

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА В ЭПОХУ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Д. Г. Целорунго

старший научный сотрудник Государственного

Бородинского военно-исторического музея-заповедника

В начале XVIII в. Россия заявила о себе как о великой европейской державе и, разумеется, на европейском континенте у нее появились новые могущественные конкуренты, прежде всего в военной области. Вооруженным силам России потребовалась значительная перестройка, т. к. теперь она имела дело с регулярными, технически оснащенными европейскими армиями и флотами, а не как прежде с иррегулярными формированиями Речи Посполитой или восточных деспотий. К этому времени в Европе на ход боевых действий все в большей степени стали оказывать влияние технические средства, что особенно ощущалось во флоте, артиллерии и в инженерном деле, следовательно, потребность в подготовленных специалистах прежде всего для этих областей военного дела значительно возросла.

В 1701 году Петр I повелел своим указом учредить в Москве школу «Математических и навигацких то есть мореходных хитростно искусств учения» или как ее еще называли «Навигацкую школу», которая и стала не только первым военно-учебным заведением, но и первым светским специальным учебным заведением в России.

Ее первыми преподавателями стали англичане, нанятые Петром I специально для обучения русских учеников в «Навигацкой школе». Одна из основных особенностей организации обучения в «Навигацкой школе» заключалась в том, что в стенах школы учащиеся получали начальное, а затем среднее и специальное военное образование. Такой нерациональный порядок организации учебного процесса был обусловлен неразвитостью начального и практически отсутствием системы среднего образования в России в начале XVIII века. Медленное организационное развитие среднего образования на протяжении всего XVIII века в России вынуждало сохранять этот недостаток и в системе военного образования будущего офицерства вплоть до 2-й четв. XIX века.

К 1812 году в Российской империи имелось 6 военно-учебных заведений, которые выпускали офицеров в гвардию и армию: 1 Кадетский корпус, 2 Кадетский корпус, Дворянский полк при 2 Кадетском корпусе, Пажеский Его императорского Величества корпус, Императорский Военно-сиротский дом, Смоленский кадетский корпус.

Молодые люди попадали в военно-учебные заведения, как правило, в 11-12 лет, полный курс обычно был рассчитан на 7 лет. Таким образом, уже в 17-20 лет юноша выходил из стен военно-учебного заведения в офицеры.

Существенной особенностью военного образования в России на протяжении всего XVIII в. и вплоть до 1830 г. было отсутствие общего положения и устава для всех военно-учебных заведений. Каждое военное училище имело свой устав и свою программу обучения, исходя прежде всего из имеющихся средств, а также вкусов и требований лица курирующего данное заведение и непосредственно главы того или иного военно-учебного заведения.

Из семилетнего курса обучения первые два года уходили на начальное образование. Затем до выпуска в офицеры учащие-ся изучали предметы из гимназического курса. Обычно это были: Закон Божий, русская грамматика, сочинения на русском языке, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, иногда химия, естественная история, политическая история, география. В Пажеском корпусе, 1 и 2 Кадетских корпусах преподавались и специальные дисциплины: статистика, архитектура, механика, гидравлика. Следует особо отметить, что только два последних года обучения, реже три, уделялось внимание обучению военным наукам: артиллерии, топографии, фортификации и тактике, причем удельный вес военных дисциплин в общем объеме учебных часов не превышал 25 %¹. Если же учесть, что особенно с 1805 по 1812 годы имели место частые досрочные выпуски кадет в офицеры, причем без выпускных экзаменов, то многим учащимся не удавалось пройти и этот скромный курс военных дисциплин. В Императорском Военно-сиротском доме до 1805 года военные науки не преподавались вовсе, хотя офицеры в армию выпускались с 1799 года. По возможности в военно-учебных заведениях преподавались фехтование, танцы и верховая езда. Большое внимание уделялось изучению иностранных языков, которое начиналось с первого года пребывания кадета в учебном заведении. Изучались, как правило, сразу два иностранных языка: французский и немецкий. Необходимость в знании будущим офицерам европейских языков диктовалась прежде всего практическим соображением, заключавшемся в том, что трудов по военным знаниям на русском языке в то время было крайне мало. Такой подход в образовании будущих офицеров давал свои плоды. Так, на основе изучения данных 2149 формулярных списков офицеров из фонда 489 РГВИА различных родов войск на конец 1812 года, у 27,0% всех офицеров были записи о знании иностранных языков, у 7,0% всех офицеров – о знании одного иностранного языка, у 19,0% – двух иностранных языков, у 0,8% – трех иностранных языков и у 0,2% – четырех иностранных языков. Причем, в л.-гв. Семеновском полку знание иностранных языков отмечалось у 94,0% офицеров, среди офицеров артиллеристов знание иностранных языков отмечалось у 61,0%, среди кавалеристов – у 20,0% и среди пехотинцев – у 14,0%. Хотя эти данные еще не говорят о том, что все эти офицеры свободно владели иностранными языками и могли запросто на них изъясняться и вести переписку. На первом месте среди иностранных языков, которые изучали в свое время офицеры, стоял французский – его знали 24,0% всех офицеров; затем немецкий – 21,0%, английский – 0,4%, итальянский – 0,3%; на долю других иностранных языков приходилось не более 0,1%, 2,0% всех офицеров изучали латинский (в большей своей части офицеры-католики) и 0,2% офицеров изучали древнегреческий язык. В первой четверти XIX века строгой специализации военно-учебных заведений не существовало. Выпуск шел во все рода и виды сухопутных войск. Так, из 2 Кадетского корпуса, до 1800 г. называвшегося Артиллерийским и инженерным шляхетным кадетским корпусом, в 1811 г. в артиллерию поступило 36% выпускников, а в 1812 г. – 40%, остальные были направлены, в основном, в армейскую пехоту².

Кадеты, окончившие курс воспитания, поступали на службу, смотря по их поведению и успехам в обучении, прапорщиками, подпоручиками и изредка поручиками.

Несовершенство военного образования подтолкнуло правительство в начале XIX века на реформу в деле воспитания будущих офицеров. В самом начале XIX в. возникла мысль о преобразовании всей системы военного воспитания. Суть реформы заключалась в следующем: столичные, 1 и 2 Кадетские корпуса остаются только для высшего военного образования; начальное и среднее общее, а также среднее военное передавалось в руки пяти «губернских военных училищ». Был выработан устав этих училищ и собраны денежные средства на их учреждение, но по различным причинам дело хода не получило. За все время царствования Александра I положение дел в области военного образования оставалось без существенных изменений.

Вместе с тем, к 1807 г. стал ощущаться большой недостаток притока дворян в офицерский корпус. Дворяне, поступавшие до того времени в ближайшие к месту их жительства полки, шли в военную службу неохотно, т. к. был велик шанс сразу отправиться в военный поход. Чтобы смягчить дворянам адаптацию к суровой армейской жизни, 14 марта 1807 г. Александр I повелел молодых дворян от 16 и более лет, желающих вступить в военную службу, вместо определения прямо в полк унтер-офицерами, прислать за казенный счет во 2 Кадетский корпус³. Так начал свое существование при 2 Кадетском корпусе Дворянский полк. Принятые в Дворянский полк молодые люди находились там, как правило, недолго, главным образом для ознакомления с порядком службы, обучения стрельбе в цель. Строевые занятия составляли главный предмет их обучения. Грамотой и счетом занимались только не знавшие их вовсе и знавшие очень слабо, и то при помощи их же товарищей⁴.

По нашим подсчетам, из данных формулярных списков русских офицеров на конец 1812 г. у 39,0% выпускников Дворянского полка в формулярах значилось только «читать и писать умеет», еще у 21,0% – «читать, писать умеет и арифметику знает», у 27,0% отмечались знания 1-3 предметов, у 9,0% – 4-5 предметов, у 5,0% – 6-10 предметов.

Некоторые дворяне, получившие более-менее сносное домашнее образование, по желанию прикомандировывались ко 2 Кадетскому корпусу для дальнейших занятий и тогда они жили и ходили на занятия вместе с кадетами и по окончании курса выпускались в офицеры артиллерии. В отдельные годы число их доходило до 40 человек.

Дворянский полк по количеству выпускаемых офицеров сразу встал на первое место, хотя выпускались они без строгого разбора даже по два и более раза в год до 500 человек в каждый выпуск. В 1812 году Дворянский полк выпустил в офицеры 1139 своих питомцев, в тот же год 1 Кадетский корпус – 180, 2 Кадетский корпус – 184, Военно-сиротский дом – 128. В Пажеском корпусе в 1810 году состояло всего 66 воспитанников, а в Смоленском корпусе – не более 100 кадет, причем из Смоленского корпуса в 1812 году выпуска не было.

По нашим подсчетам, среди офицеров сухопутных войск, проходивших службу в 1812 году и окончивших военно-учебные заведения, выпускников Дворянского полка было 50,0%, среди пехотных офицеров эта доля была еще выше – 65,0%, а в артиллерии только 25,0%.

В целом в русском офицерском корпусе 1812 года только 28,0% офицеров в свое время закончили военно-учебные заведения, а без учета выпускников Дворянского полка – 14,0%. Самым высоким был процент офицеров, получивших военное образование в артиллерии, – 60,0%, значительно ниже в гвардейской пехоте – 29,0%, в армейской пехоте – 25,0%, а в армейской кавалерии – 11,0%. Примерно аналогичные показатели были и среди офицерского корпуса наполеоновских войск: так, согласно подсчетам Ж. Удайля, во французской армии к концу правления Наполеона доля офицеров, окончивших военные школы (военно-учебные заведения сходные с русскими кадетскими корпусами) не превышала 15,0%⁶.

Таким образом, около $\frac{3}{4}$ офицеров-участников Отечественной войны 1812 года не проходили учебу в военно-учебных заведениях и в общеобразовательном плане довольствовались в основном домашним образованием. У 57,0% офицеров, не проходивших учебу в военно-учебных заведениях, в формулярах значилось «читать и писать умеет». В пехоте таких офицеров было 66,0%, в кавалерии 74,0%, причем 1,0% из кавалерийских офицеров были вовсе неграмотны; в артиллерии у 15,0%, а в гвардии только у 8,0% офицеров значилось в формулярах «читать и писать умеет». Знание 1-5 предметов общеобразовательного курса было занесено в формуляры у 14,0% офицеров всех родов войск, не обучавшихся в военно-учебных заведениях, 6-10 предметов – у 2,0% и 11-20 предметов – у 0,2%.

На протяжении первой четверти XIX века военное образование в России, впрочем как и во всей Европе, находилось в стадии становления. Основная масса офицеров-дворян в это время получала необходимые профессиональные навыки на практике по месту службы, начиная свою карьеру нижними чинами: рядовыми первые три месяца службы, а затем унтер-офицерами, где, в зависимости от способностей и наличия свободных офицерских вакансий, служили от нескольких месяцев до нескольких лет для производства в офицеры.

¹ Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 49, 92; Исторический очерк образования и развития первого Московского кадетского корпуса, что ныне первая Московская гимназия 1778-1878. СПб., 1878. С. 9, 36-37; Пажеский Его императорского Величества корпус за сто лет 1802-1902. Т. 2, с. 56-61, 89-90; Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома 1798-1898 гг. СПб., 1898. С. 148.

² Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 32-34.

³ Гольмдорф М. Материалы для истории бывшего Дворянского полка. СПб., 1882. С. 8.

⁴ Там же, с. 10.

⁵ Висковатый А. Краткая история первого кадетского корпуса. СПб., 1832. С. 85; Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862. С. 32-34. Гольмдорф М. Материалы для истории бывшего Дворянского полка. Спб., 1882. С. 118; Пажеский Его императорского Величества корпуса за сто лет 1802-1902. Т. 2, с. 55.

⁶ Houdalle J. Les officiers de la Grande Armee : etude par sondage sur l'age, l'origine regionale et le destin des offlciers. Revue de l'Institut Napoleon, CVIII (1968), p. 109.